

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СЛОВЕСНОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Самарский государственный университет

У всего на свете ... есть две ручки;
за одну следует держаться, за другую – нет.
Роберт Бертон

В лексической системе языка имеет место семантическая корреляция, которая пока не обозначается общепринятым термином, но существование которой доказывается всякий раз, когда речь идет о словесной манипуляции, эвфемизации и любых видах языковой игры или языковой агрессии. Интерпретация реальности как таковая нуждается в языковых средствах, лексемах-конверсивах особого рода, которые можно условно назвать “синонимическими антонимами” или “антонимическими синонимами”, например: *слабость – гибкость / способность к компромиссу; отвага – сумасбродство; подозрительность – бдительность; доверчивость – наивность* и т.п. Они призваны “схватить” диалектичность, двойственность, тройственность и любую многомерность реальности и выразить неизбежные противоречия между множеством версий, толкований. Любой говорящий, а тем более спорящий, не может (хотя бы мысленно) не отвечать оппоненту, поскольку предмет речи у них один.

Приведем пример остроумной словесной баталии двух “интерпретаторов” из народного кинофильма “Ирония судьбы”: – *Это вот не рыба, не заливная рыба. Это стрихнин какой-то... – Вы же меня хвалили! – Я подхалимничал. (...) Вообще меня все всегда считали стеснительным. Мама говорит, что на мне все ездят кому не лень, а друзья вообще тюфяком прозвали. (...) А теперь, вы знаете, я чувствую, что я становлюсь каким-то другим человеком. Более... – Наглым? – Нет. Смелым. Более... – Бесцеремонным? – Решительным. Более... – Более развязным? – Не угадываете. Я чувствую, что ... Понимаете, на все способен. (...) Может быть, это оттого, что мы с вами встретились, и благодаря вам... – Вы сообщаете, что вы говорите? – Не очень... – Что я из вас сделала хама.*

Итак, выявляются коррелирующие лексемы (их можно было бы назвать “диалектизмами”, если бы омонимия терминов не была нежелательным явлением): *хвалить – подхалимничать; наглый – смелый; бесцеремонный – решительный; развязный – на все способный* (и наоборот во всех случаях при желании).

Причем оказывается, что *наглый, бесцеремонный и развязный* — это в итоге *хам*, то есть прямая противоположность изначально заявленному *стеснительному тюфяку*. Речь идет о явлении, системность которого на первый взгляд неочевидна. Эксперименты в студенческой аудитории показали, что иногда нахождение “правильного” ответа сродни созданию авторской метафоры и являются не “вспоминанием”, “узнаванием”, “угадыванием”, а истинным творчеством, которое сопровождается смехом и аплодисментами присутствующих. Например:

“ — *Он развратник*” (явная отрицательная коннотация). — “*Оправдайте развратника! — Дамский угодник? / Актер? / Поэт? / Слабый человек? / Сильный человек? / Бонвиван! / Жизнелюб!*” (явная положительная коннотация). Ср. также: это не *ложь*, а — *вежливость / жалость*; не *безумие*, а — *романтизм*; не *свобода*, а — *одиночество*; не *разрыв*, а — *освобождение / поиск нового*; не *щедрость*, а — *транжирство*; не *героизм*, а — *любовь к смерти*; не *взятка*, а — *благодарность*.

Что перед нами? Словесная манипуляция с целью “из мухи сделать слона”, а “из слона — муху” (что не менее важно) — или размышление, “додумывание”, попытка постичь суть явления? А может быть, это просто эвфемизация речи? Мы полагаем, возможна любая трактовка, с разной, правда, степенью вероятности (в особенности при отрыве от контекста).

С нашей точки зрения, существуют как минимум три критерия разграничения этих возможных вариантов. Во-первых, это цель коммуникации. Если наша цель — заменить “слово или выражение, (...) неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное”¹, если речь идет о политкорректности, коммуникативном комфорте, если мы хотим “говорить красиво” или сгладить плохое впечатление — перед нами эвфемизм, лингвистическая “косметика”². Если же мы хотим “высветить суть”, или оправдать, или тем более обвинить, развенчать, даже опозлить что-то — эвфемизация ни при чем.

Второй, более надежный, на наш взгляд, критерий (потому что кто же точно знает, что им движет, а тем более какова мотивация *другого*), — это возможность трансформации, обратимости конструкций, не являющихся эвфемистичными, например: “*По-вашему, это снисходительность? Да это просто попустительство!*”; “*Ах, это он шалит? Да это же настоящее хулиганство! Это не баловство, а преступление! Нашли шалуна! Уголовник!*”; “*Что вы понимаете в людях! Он не бесхарактерный, не бесхребетный, а добродушный, мягкий, фи-*

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М, 1989. С.902.

² Термин Т.Слама-Казаку (Т.Слама-Казаку. Психоллингвистика. Словесное манипулирование. - www. psychology.net.ru)

лаитрон просто”; “Какой он “жизнелюб”? Банальный *развратник*, *ходок*, *по-русски-то говоря!*” – при невозможности трансформации эвфемистических высказываний, например: *это не *ритуальные услуги*, а *похороны*, *это не *казнь*, а *высшая мера*, *она не *беременна*, а *в положении*, *это не *платная*, а *коммерческая / сервисная палата*, *это не *вшивость*, а *педикунез* и т. д.

Кроме того, важна тема речи, поскольку эвфемизации подвергается не всякая речь, а лишь связанная с определенными темами и сферами деятельности³.

Диалектичность, двойственность толкования контекстов, которые не являются классическими эвфемизмами, позволяют считать их средством “словесной эквилибристики”⁴, языкового манипулирования, свободной интерпретации любой ситуации, представления чего угодно в выигрышном для себя свете. Нам очень нравится определение манипуляции У. Рикера – “такое структурирование мира, которое позволяет выигрывать”⁵.

Рассматриваемые нами корреляции похожи на русские пословицы. Любая тема в пословицах может толковаться двояко, по принципу бинарной оппозиции. Например, неоднозначно трактуются: *ум* – от “Умный смиряется, дурак надувается” до “Много ума – много греха”; *простота* – от “Где просто, там ангелов по сто” до “Простота хуже воровства”; *труд* – от “Хочешь есть калачи – не сиди на печи” до “От работы не будешь богат, а будешь горбат” и т. д.⁶

Корреляции типа *скупость* – *бережливость* подчинены той же логике, они помогают выйти за рамки бинарных оппозиций (например, “плохо – хорошо”), образуя промежуточную между антонимами смысловую пару, ср.:

щедрость – *транжирство*
бережливость – *скупость*

³ Традиционными темами и сферами эвфемизации являются: некоторые физиологические процессы и состояния; определенные части тела, связанные с “телесным низом”; отношения между полами; болезнь и смерть. (См., например: Л.П.Крысин. Эвфемизмы в современной русской речи. – Русистика. – Берлин, 1994, №1-2. – С.28-49).

⁴ Или “раскрутки” (английский термин Sleight of Mouth, буквально “ловкость рта”). См.: И.Гоз. Словесная эквилибристика. – <http://www.dere.ru/index.htm>.

⁵ Riker W.H. The art of political manipulation – New Haven, 1986. Цит. по: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – www.aquarum.ru.

⁶ См.: П.Вайль, А.Генис. Родная Речь. Уроки Изыщной Словесности. – “Независимая газета”, 1991.

принципиальность — заикливание/ упертость
гибкость — беспринципность.

Лексемы, вступающие в “синонимические” отношения с каждым из антонимов, как бы оправдывают “плохо” и развенчивают “хорошо”, попутно вступая в отношения антонимии между собой. То есть перед нами “перекрестная” антонимия, в таком виде не фиксируемая словарями.

Таким образом может быть обыграна любая бинарная оппозиция (хотя при этом “обыгрывании” будут создаваться все новые и новые бинарные оппозиции⁷).

Коммуникативной цели “развенчание” соответствует эксплуатация оппозиции “нужно, имеет ценность — не нужно, не имеет ценности” (“нам этого не надо!”), например: *И не говори мне, что это ваша принципиальная позиция, не бороться за место под солнцем, как тут один выразился, когда я его уволил. Леня обыкновенная!* (Л.Петрушевская); *Сами Никитины признаются: “Мы отвергли послушание как цель воспитания, потому что от послушания до покорности один шаг, а покорный человек — игрушка в руках сильного”* (Н. Кулакова).

Той же цели (развенчать, “вывести на чистую воду”) служит оппозиция “можно, приемлемо с точки зрения морали, этики — нельзя, противоречит общечеловеческим нормам” (“это вам не шутки!”), например: *Минздрав запрещает врачам бюджетных больниц использовать все возможности для спасения больного. Если в больнице нет, допустим, лекарства, от которого зависит жизнь больного, — лечащие врачи — внимание! — не имеют права обращаться к родственникам с просьбой приобрести такой препарат на стороне! “А что же делать? — пытались реаниматоры воззвать к здравому смыслу и гиппократовым корням администрации. — Смотреть, как больные умирают?” — Значит, пусть умирают, строго внушали им. Мы — бесплатная больница. — Правда, хороший пример дистиллированной чистоты и алмазной твердости принципов, оборачивающихся людоедством?* (А.Боссарт); *Такая интерпретация событий в приличном обществе называется ложью* (ТВ).

Теперь допустим, что наша цель — не развенчание, а, наоборот, оправдание чего-то (“все не так уж страшно”). Используя те же оппозиции, мы просто меняем знак с минуса на плюс, скажем, “плохо — хорошо”, “опасно — не опасно”, “нежелательно — желательно”, на-

⁷ В своей работе “Номо amphibolos: Археология сознания” (Самара, 2005) С.З. Агранович и С.В.Березин так пишут об этом: “Человек ... мыслит именно бинарными оппозициями. Любой предмет, любое явление, любое понятие для человека всегда двойственно и оппозиционно потому, что составляющие оппозицию элементы ... находятся в отношениях антагонизма ... и только благодаря этому существуют как отдельные феномены” (С.124).

пример: *Чего только не выдумывают дети! Что это, хорошо продуманная ложь или неудержимый полет фантазии?* (Альманах “Счастливые родители”).

Нередко цель отправителя сообщения – не просто интерпретация, доказывающая собственную правоту, а жесткое давление на оппонента, принижение, опошление, осмеяние чего-то важного для него (“да это просто смешно!”). Могут использоваться оппозиции “свой – чужой”, “женское – мужское”, “приличное – неприличное”, “серьезное – несерьезное”, например: *В ранних теориях классической психологии женскому любопытству давалась отрицательная оценка, тогда как обладающие таким же качеством мужчины назывались любознательными. Про женщин говорили, что они повсюду суют свой нос, а про мужчин – что они обладают пытливым умом. В действительности опошление женского любопытства до такой степени, что оно кажется не более чем несносным подглядыванием, отрицает женскую интуицию, предчувствия, прозорливость, отрицает все чувства женщины* (К.Эстес); *Плюрализм мнений в обществе называется демократией, но плюрализм мнений в одной голове называется просто шизофренией* (А.Кураев); *Переверачивая изображение, зеркало выдает сходство за тождество. Левое похоже на правое, но не равно ему. Из-за этого там, где отражение показывает нам дружескую улыбку, окружающие видят зловещую ухмылку, влюбленный взгляд может обернуться кислой гримасой, кокетливое подмигивание – первым тиком* (А. Генис).

В любом из описанных нами вариантов интерпретации/манипуляции использование коррелирующих лексем-конверсивов выполняет и функцию миромоделирования, “высвечивания” внутренней сущности описываемых явлений. Иногда эта функция кажется вообще единственной – в жанрах размышлений, афористики, например: *Нет свободы без произвола, говорил ... Сартр*. (А. Генис); *... старая концепция личности перестает работать. Тут нужна не сильная индивидуальность, умеющая приспособливаться под себя окружающий мир, а мягкая протечная личность, умеющая к нему приспособливаться. Твердое слишком хрупко – оно легко ломается, если его гнать слишком часто. Не камень, а вода. Не мол, а пробка. Волны ведь можно резать, а можно на них качаться* (А. Генис); *О том, что это было – преступление, ошибка или акт военной необходимости – спорят до сих пор* (об атомной бомбардировке Хиросимы, Евроньюс).

Говоря о миромоделировании и манипулировании, которые неизбежно сопровождаются использованием готовых оппозиций, нельзя не остановиться на представлении о причинно – следственных связях между явлениями действительности. Некоторые модели выражения причинно-следственных отношений основываются на представлении о градации, шкале, слоях между полярными точками, крайно-

стями. Конечно, это не отменяет представления о том, что человек мыслит бинарными оппозициями, но это иллюстрирует стремление как-то примирить противоречия (ср. известное выражение “Наши недостатки есть продолжение наших достоинств”), например:

*...наилучший подход, позволяющий пережить глубинное бессознательное, – восхищаться им не слишком сильно, но и не слишком слабо, не слишком благоговеть, но и не быть слишком циничным, быть **отважным, но не до безрассудства** (К. Эстес); Фильм “До свидания, мальчики” – это был первый фильм об интимных отношениях несовершеннолетних. Сколько мне взрослые дамы из съемочной группы давали советы, что ты должен быть **мужественный, но не грубый, нежный, но не инфантильный, и т.д.** (Е. Стеблов, “Линия судьбы”, телеканал “Культура”); Самара – Среднее Поволжье, и ментальность отсюда (...) срединная. Мы не склонны (...) к каким-то крайним проявлениям. Ни во взглядах, ни в поступках. Даже власть у нас в 17-ом сменилась по тихой. Мы терпимы, доброжелательны, неагрессивны. (...) Но у **толерантности нашей есть (...) оборотная сторона – равнодушие** (С. Внукова).*

Описанные лексические средства словесного манипулирования (читай: субъективной интерпретации – а разве она может быть объективной?) представляют одно из языковых средств гармонизации любых универсальных оппозиций – противоречий⁸. Все можно выдать за его же противоположность, все можно оправдать или развенчать, “истина где-то рядом”. Торжествующий релятивизм, относительность всего.

Но и у этой “торжествующей истины” есть “оборотная сторона” (бинарная оппозиция!). Каждый “честный” интерпретатор, имеющий целью постижение сути явления и учитывающий **любые** точки зрения, рискует полностью утратить **свою**, обезличиться, перестать отличать черное от белого и начать с легкостью менять местами добро и зло. “Всепонимание” в конечном счете действительно может обернуться “шизофренией”. При этом человек утратит чувство самосохранения, перестанет понимать и защищать **собственные** интересы.

⁸ Ср.: “Так ли уж это страшно – жить, бесконечно множа асимметричные бинарные оппозиции в бесплодной попытке приблизиться к истинному воплощению в человеческих деяниях и в человеческой мысли целостности мира? Конечно, страшно. Давайте задумаемся о возможных перспективах дальнейшего жителя-бытия человечества в окружении асимметричных, а значит до конца не гармонизируемых оппозиций, таких как “человечество и природа”, “власть и народ”, “богатство и нищета”, “мы и они”. (С.З.Агранович, С.В.Безрезин. *Номо amphibolos: Археология сознания*). Самара, 2005. С.213).

Любой “честный” релятивист-манипулятор рискует повстречаться с другим манипулятором. Их словесный поединок превратится в демагогию, казуистику, “спор о словах” (а “истина” вообще обесценится). Единственный достойный выход из спора с манипулятором — это, как известно, разоблачение не аргументов собеседника, а самого акта манипуляции. Именно описанию одного из многих средств словесного манипулирования и была посвящена данная статья.

Е.А. Меламедова

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В НАУЧНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Самарский государственный педагогический университет

Вслед за Ю.Н. Карауловым мы понимаем под языковой личностью “совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)”. [Караулов, С.3] Исходя из этого, под языковой личностью автора мы понимаем его речевую индивидуальность, авторский стиль, который делает его произведения особенными.

Традиционно вопрос об индивидуальности речи автора связывают с художественной литературой. Что касается авторской речевой индивидуальности в научном стиле, то это качество научной речи рассматривается лингвистами как нечто, не имеющее существенного значения, необязательное и вообще несвойственное научному стилю. [Терешкина, С.103]. Однако в последнее время в научном стиле отмечено влияние экстралингвистических факторов, которые отражают личность создателя того или иного труда.

В любом научном произведении можно выделить факультативные затекстовые или паратекстовые элементы, к которым относятся предисловие автора или другого человека к книге, эпиграф, посвящение, слова благодарности, послесловие, комментарии. Личность автора проявляется именно в наличии этих элементов.

Остановимся подробнее на авторском предисловии, а именно на авторском выражении благодарности (acknowledgements), и на посвящении.

Согласно теории речевых актов, авторское выражение благодарности можно рассматривать как “реакцию субъекта на вербальную или невербальную деятельность собеседника” [Дж.Серль, С. 185], т.е. реакцию автора на совершенное положительное для него действие.